

А. П. Прусаков

**ФОЛЬКЛОР МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ
В ПРЕДОКТАБРЬСКОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ***

Русский рабочий фольклор начала XX в., включая предоктябрьское десятилетие, в наши дни привлекает внимание многих ученых. Но ни в одном из исследований, написанных на эту тему, почти нет сведений о том, каким был фольклор московских рабочих в то мрачное десятилетие. Последнее объясняется главным образом тем, что ученые располагают весьма скудными данными об устнопоэтическом репертуаре московских рабочих в этот период; эти данные почерпнуты преимущественно из мемуаров участников революционного движения. Значительная часть записей предоктябрьского фольклора московских рабочих сделана в советское время отдельными энтузиастами-собираателями и осталась вне поля зрения ученых. Как правило, эти записи труднодоступны для исследователей. Часть их хранится в личных архивах собирателей, отдельные тексты рассеяны по страницам многотиражных заводских газет. Цель настоящей публикации — познакомить исследователей с записями фольклора московских рабочих в предоктябрьское десятилетие, чтобы несколько восполнить образовавшийся пробел. Записи сделаны автором статьи, а также работавшими под его руководством рабочими и литкружковцами ряда крупных столичных заводов и фабрик. Материалы собирались на протяжении четверти века (с 1935 по 1960 г.) по поручению Всесоюзного дома народного творчества имени Н. К. Крупской и Московских городского и областного домов народного творчества (но некоторые материалы были собраны много ранее — в 1916—1933 гг.).

Мы старались организовать больше встреч со старыми кадровыми рабочими, стремясь записать от них наиболее оригинальные устные произведения, популярные среди рабочих Москвы в 1907—1917 гг. Записи производились на вечерах воспоминаний о прошлом завода, в цехах заводов, на дому у рабочих.

«Черносотенной столыпинщиной» прозвал русский пролетариат сумрачное четырехлетие 1907—1910 гг. Об этой «глухой ночи столыпинского режима» было сложено много рабочих пословиц и присказок.

Так 80-летний Василий Степанович Зоркин, один из старейших замоскворецких текстильщиков¹, выделенный в феврале 1907 г. рабочими шерстоткацкой фабрики Михайлова «выборщиком» депутатов во Вторую Государственную думу, рассказывая о том времени, то и дело вставлял в свою речь рабочие присказки тех дней: «Столыпин в чин вошел лисой, а в чине стал волком», «Больше верь своим глазам, чем чужим речам», «Гляди в оба, зри в три» и т. п.

* Это сообщение — продолжение опубликованной ранее статьи «Массовая политическая устная поэзия рабочих Москвы и Подмосковья о революции 1905—1907 годов. Заметки собирателя» («Русский фольклор. Материалы и исследования», V, М.—Л., 1960, стр. 417—433).

¹ Записи от В. С. Зоркина производились в 1955 и 1959 гг. у него на дому.

Слушавшие его рассказы работницы К. И. Пронякина и Е. А. Логунова вспомнили ходовые в ту пору другие рабочие крылатые сатирические фразы: «Кто богу не грешен, царю не виноват?!», «Правда к царю ушла, а кривда по земле пошла», «Что лживо, то гнило», «Царь — душегуб, в злато ряженный».

Нельзя не отметить образный строй речи В. С. Зоркина. Рассказывая о большевистском подполье и листовках, проникавших в ту пору в рабочие массы Москвы, он подкреплял свою речь пословичными фразами: «Глядели в корень»; «Слово учит, пример ведет». Смеясь над царской охранкой, ее провокаторами и драгунами, разгонявшими рабочие сходки, он говорил: «Подлость на глупости зреет», «Посадили свиней на лошадей». О своей жизни рассказывал так: «Работали, бывало, на хозяев без устали, как каторжные: заря вгонит в цех, заря выгонит. За малейшую провинность штрафовали, грозили расчетом. А мы себе думали: страший того, кто не смыслит ничего...»

А когда В. С. Зоркин вспоминал о столыпинском «третьеиюньском законе» и «аграрной реформе», то прибегал к таким поговоркам и пословицам: «Силу-то в лавочке не купишь», «Царь не лошадь, по зубам не узнаешь», «Жди от царя милости — получишь свинец», «Столыпин-вешатель жертвы сыщет»².

В 1935—1938 гг. рабкоры Первого обозного завода, находившегося близ Донской заставы, записали от Дмитрия Павловича Ширяева, кадрового рабочего малярного цеха (выходца из подмосковной деревни), пословицы и присказки периода «столыпинских галстухов»: «Живем, как можем, есть пища — гложем», «Тянем жизнь, как воры мочало», «Богом да царями головы забивают», «Цари народом сыты не бывают».

Д. П. Ширяев делился с заводскими рабкорами воспоминаниями о работе на селе представителей большевистского подполья, в «столыпинскую темь», умевших «скупно говорить и жадно слушать». И в его речи часто встречались «батрацкие» иносказательные выражения, обличавшие «царский трон и ненавистный строй»: «Коли чёка не по оси — ее надо бросить», «Гужи трещат, завертки лопаются», «Худая снасть покоя не даст».

В декабре 1936 г. в клубе московского металлургического завода «Серп и молот» (бывший Гужона) на вечере воспоминаний о прошлом завода местными рабкорами были записаны от кадровых производственников типичные рабочие присловья дней «столыпинской реакции»: «В смутьяны угодишь, с вольным паспортом вон полетишь» и «Мир гужонов заселен мошенниками». В 1937 и в 1952 гг. от группы кадровых сталеваров старого мартеновского цеха были записаны присловья: «На столыпинской стороне бог стоял — на нашей не встречал», «Были утешители — лени потворники».

Дочь умершего в 1930-х годах Ивана Степановича Лаврентьева (бывшего токаря фабрики Михайлова), большевика-подпольщика, ставшего в советское время известным чекистом, при встрече в апреле 1959 г. сообщила об известных в семье отца и среди его друзей рабочих присказках о Столыпине: «Играй сатана — тебе сила дана», «Забор хорош, да столбы гнилы». Рассказала она тогда же и об одном символическом рабочем сказе той поры: «Как щука ни востра, не возьмет ерша с хвоста», где под щукой подразумевался Столыпин, под ершом — революционные рабочие.

Еще в 1927 г. в Кожевниках автором статьи были записаны десятки рабочих пословиц и присказок 1908—1910 гг. от Марфы Яковлевны Яковлевой, бывшей пресненской работницы, в прошлом смоленской батрачки, у которой (по ее словам) были «Семья в деревне, муж на Плевне». Знала М. Я. Яковлева и московские рабочие загадки, сказки, побаски, ар-

² В. С. Зоркин в обычном разговоре даже себя самого определял пословицей: «Стар гриб, да корень свеж».

тельные басни («О царе Горохе», «Про ерша-глупыша», «О главном уряднике», «О красе-девице на все мастерице»). Рассказала она и несколько рабочих сказок типа «небылиц в лицах».

От нее же мне впервые довелось слышать (еще в 1914—1916 гг.³) трудовые песни о тяжелой жизни подростков у «хозяина» («Не твоя ли дочка плачет на фабричной стороне», «Не по морюшку лебедушка плывет»), о горьких жалобах детей и подростков, отданных в обучение «производственному ремеслу» на фабрику или к «хозяйчику-кустарю»:

...Как я маюсь, во чужих людях живу,
Я чужому отцу-матери служу.
Не по плису, не по бархату хожу.—
Я хожу, хожу по лютому ножу⁴.

Что же вообще пели рабочие Москвы в то суровое время?

Старейший гравер «Трехгорки» Николай Николаевич Кузьмин, вспоминая о песнях той поры, говорил нам в 1940 г.: «Скучно пели. И то украдкой, с тоской и болью».

Персональные пенсионеры Илья Филиппович Макаров (Первая ситценабивная фабрика, бывшая Цинделя) и Полина Степановна Игнатьева (Даниловская мануфактура им. Фрунзе) называли нам в 1950 г. песни: «Дума ткача», «По пыльной дороге», «Колодники», «Солнце всходит и заходит», «Море в ярости стонало», «Славное море, священный Байкал».

Каширский машинист Н. А. Пролыгин, московский маляр Д. П. Ширяев, машиностроители Коломны и Мытищ — участники революции 1905 г. — в беседах с рабкорами в 1946—1950 гг. отмечали, что в Москве и Подмоскowie в 1908—1910 гг. на маевках пели «Дубинушку», «Народный марш» («По фабрикам душным, по тюрьмам холодным»), «Бродягу», «Узника», «Вековые устои качнулись», а также сатирические песни, такие, как «Всероссийский император» и различные пародии на «Чижика».

Работница Логунова Елизавета Алексеевна, знавшая от своего отца (кочегара бывшей фабрики Михайлова) о рабочих песнях, певшихся при «столыпинщине», в беседах с нами в 1930—1950-х годах назвала: «Вы жертвою пали», «Замучен тяжелой неволей», «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой», «Эх, и прост же ты, рабочий человек», «Слушай», «Как у нас на троне», «По России слух прошел — Николай с ума сошел», «Вдоль по городу Подольску» (вариант студенческой песни) и др.

В мрачные годы столыпинской реакции передовые рабочие Москвы бережно хранили в памяти крылатые фразы, слова, песни и сказы о пережитом. Обозревая фольклорный материал, собранный рабкорами и литкружковцами, нельзя не отметить, что ведущая роль в нем принадлежала прозаическим жанрам — присловью, присказке, пословице и поговорке.

Промышленный застой в России на исходе 1910 г. сменился некоторым оживлением и вызвал усиленный приток иностранного капитала в различные отрасли промышленности. Вскоре в речевом обиходе московских рабочих появились многочисленные присказки — отклики на засилье иностранцев в промышленности и торговле Москвы: «Иной туз-француз гроша не стоит, а глядит рублем», «Юлий Генрих Циммерман положил миллион в карман», «У Густава Листа, чем совести меньше, тем денег больше», «Заморская птица по-своему поет»⁵.

³ Умерла М. Я. Яковлева в декабре 1927 г. в возрасте около 80 лет.

⁴ В 1924 г. аналогичная песня была записана в Подмоскowie писателем М. М. Пришвиным. См. «Памятные места Московской области», М., 1956, стр. 437.

⁵ Записано в 1916 г. от И. Гвоздева, бывшего грузчика московского амбара ореховских фабрикантов фирмы Викулы Морозова, и в 1953 г. от И. Домогацкого, токаря завода «Красный факел» (бывший Листа).

Тогда же приобрела широкую известность рабочая сатирическая песенка «Это — матушка Москва», в которой говорилось о засилье в торгово-промышленной Москве «иноземных дельцов»:

...Борман, Циндель и Гужон,
Юлий Циммерман, Дебре,
Мериллиз и Поль Буре,
Марк, Вогау и фон Мекк,
Вольф и Фишер, и Дюбек..
Ох, кружится голова —
Это — матушка Москва ⁶.

В народе росла нищета. Жизнь рабочих ухудшалась. Разорялось крестьянство и богател кулак-мирод. На рабочие массы Москвы явно переставали действовать «уговоры» меньшевиков. Споря с ними, сознательные рабочие говорили: «Речи слышали, а дел не видели», «Устарела ваша сказочка», «Пчеле муха не компания», «Как не хитри, а правды не перехитришь», «Правда кривды не любит», «Пустая бочка пуще гремит», «Поет соловьем, а рыщет волком», «Говорит бело, а думает черно», «Речи, как мед, а дела, как полынь» ⁷.

К партии большевиков, единственной, которая вела в годы реакции революционную борьбу, московские рабочие прислушивались теперь охотнее. «Без правды большевиков не житье, а вытье», «Один добрый пример лучше тысячи слов», «Коротко и ясно, оттого и прекрасно», «Большевик с виду тих, а сердцем лих» — так характеризовали они большевиков ⁸.

Назревал новый подъем рабочего движения. Уже в 1911 г. Первое мая отмечалось значительно шире, чем в предыдущие годы. Пресненские металлисты и типографщики из центра города открыто пели «Утес Степана Разина», «Долю», «Ермака» (За уральским хребтом...), а трехгорцы — ярославскую песню «У Корзинкиных на ткацкой» ⁹. Залетела тогда в Москву и песня питерских рабочих — «Поп, окончив пение во славу новолетия, призывал к терпению на целое столетие...».

В Москве, как и по всей стране, в тот год значительно возросло число забастовок. Во всем ощущался крах столыпинского — «третьеиюньского режима». Россия шла к новой революции.

В апреле 1912 г. в Москву пришла страшная весть о том, что экономическая забастовка на Ленских золотых приисках закончилась массовым расстрелом безоружных рабочих.

Ленские события нашли яркое отражение в присловьях, пословицах и поговорках московских рабочих. Взволнованные рабочие называли владельцев Ленских приисков «палачами», «подлой ржавчиной». Речь рабочих была полна гнева: «Пороки богатей богатством прикрыты», «У кого брюхо дородно, тот и благородный», «В Сибири золото гребут лопатами, а рабочих кормят пулями проклятыми». Они спрашивали палачей: «Сибирь — „золотое дно“, но зачем в крови оно?» Все чаще стали звучать боевые призывы: «Чтобы ржавчину изжить, надо руки приложить», «Как аукнется, так и откликнется», «Кость у фабричных острая» ¹⁰.

⁶ Записано в 1923 г. от П. Д. Чумакова, контрощика фабрики Михайлова в Замошворечье (ныне обувная фабрика «Парижская Коммуна»).

⁷ Записано в 1922 г. от И. В. Иовлева — присучальщика фабрики Михайлова, и в 1930 г. от П. А. Жигарева — рабочего фабрики Шрадер (ныне Краснохолмский камвольный комбинат), а также взято из выступления А. У. Уварова — бывшего рабочего завода Михельсона (ныне им. Владимира Ильича) перед студентами Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова (газета «Советский студент», 1957, № 13).

⁸ Записано от И. В. Иовлева в 1920-е годы.

⁹ Сообщил в 1949 г. С. П. Симонов — директор Музея революции 1905 г. на Пресне, в прошлом рабочий одной из московских типографий.

¹⁰ Записано в 1949 г. от М. А. Подкопаева — председателя завкома завода им. Владимира Ильича и В. Н. Петинной — заведующей клубом того же завода.

Бастовавшие выходили на улицу с недавними песнями борьбы: «Свободы час придет для нас», «Славься, родимая Русь», и тут же пели иркутскую «Песню о Ленском расстреле» («Как Терещенко-палач... на Лене крови напился»¹¹).

Маевки 1913 г. проходили в Москве в условиях нового натиска рабочих масс на самодержавие и буржуазию. А на следующий год рабочие Москвы выходили на маевки еще дружнее, с пением «Варшавянки» — одной из самых популярных песен революции 1905 г.¹²

В первомайской прокламации РСДРП, выпущенной в 1914 г., указывалось на то, что «Ленская бойня 1912 г. разбудила пролетариат, и он снова поднимается во главе народа в борьбе за свободу. Стачки и демонстрации расшевеливают и вовлекают в борьбу крестьянство и войско...»¹³.

И авангард фабрично-заводской Москвы выражал это настроение масс в мобилизующих на борьбу песнях и крылатых словах ненависти к поработителям: «Дерут с живого и мертвого», «Лучше быть бедняком, чем богатеть со грехом», «За фальшивые умышления не жди почтения», «Огонь под полой далеко не унесешь», «За правду-матку и помереть сладко».

Буквально с первых дней мировой войны рабочие Москвы, доверительно следуя призывам партии большевиков, констатировали: «Богачи из-за барышей спорили и народную бойню устроили».

В народе возросло недовольство войной и царской властью, развязавшей ее. А тут в 1915 г. в целях поддержки власти фабриканты и заводчики организовали на предприятиях военно-промышленные комитеты, чтобы заставить промышленность еще интенсивнее работать на войну. Московские промышленники, поощряя войну, призывали «не жалеть снарядов». Их действиям рабочие давали свою оценку: «Нашему Сенюшке платили бы денежки», «Корысть оглушает совесть», «Денег вволю, да еще поболее».

Капитал в дни войны еще сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих. И они говорили по этому поводу: «Жизнь богачей висит на нитке, а они думают о прибыли», «Богатство расширяется — сердце сужается», «Каждая рабочая копейка алтынным гвоздем прибита»¹⁴. «Не бойся смотреть правде в глаза», «Не хвались серебром, хвались добром»¹⁵.

«Жизнь была трудной,— вспоминает Е. Д. Стасова.— Приезжавшие с фронта раненые солдаты рассказывали о беспорядках в царской армии, о предательстве командного состава. Антивоенные листовки разоблачали грабительский характер войны. Рабочие все меньше верили буржуазным газетам, кричавшим о мнимых победах царских войск»¹⁶.

Когда мы поинтересовались песнями, которые были тогда наиболее популярны среди солдат — выходцев из московских рабочих, то обнаружили их чрезвычайная пестрота. Поражало обилие народных лирических песен семейно-бытового характера и всевозможных песенных пародий типа «Шел солдат с похода», «Песня орла», «Солдатик служивый, далече идешь», «Солдатушки, браво ребятушки», «Пишет, пишет

¹¹ Записано рабочими «Трехгорки» П. Богомолкиным и М. Храпуновой в 1937 г., в дни 25-летия Ленского расстрела, и в апреле 1940 г. от рабочих своего комбината.

¹² Надо заметить, что к 1913 г. в тексте «Варшавянки» появились разночтения в отдельных строках. Например, вместо слов «Нас еще судьбы безвестные ждут» рабочие района Сокольников и трех вокзалов на Каланчевке пели «Пройдены годы страданий и пут».

¹³ «Первомайская хрестоматия», Л., 1924, стр. 157.

¹⁴ Записано в 1924—1949 гг. от старых рабочих (заводов им. Владимира Ильича, «Динамо» и «Красный пролетарий»).

¹⁵ Записано в 1920-х годах в Кожевниках от И. Я. Третьякова, рабочего фабрики Михайлова.

¹⁶ Е. Д. Стасова, Страницы жизни и борьбы, М., 1960, стр. 87.

царь германский» и др.¹⁷. Собственно же солдатских песен, сочиненных в дни войны на фронте или в казармах солдатами из московских рабочих, удалось записать пока только единицы. Но это, конечно, не значит, что их было мало. Для примера упомянем одну из них. Это песня «Дело было в Шнайдемюле», певшаяся на мотив «Дело было под Полтавой»:

Дело было в Шнайдемюле,
Дело грязное, друзья,
Нас там немцы изводили,
Не давали нам житья.
...Голодали, как собаки,
Мы в работе каждый день;
Шли лежать в сыром бараке,
Все разбиты, словно тень,
...Из германской злой неволи
Стали пленники бежать,
Смерть принять хотя б на воле,
Чем собакой помирять...
Немцам сделалось так трудно —
Лишь руками развели:
Нет ни пленников, ни бунта.
Сели раком на мели.

Эту песню сообщил Иван Михайлович Колышкин — престарелый московский рабочий, бывший солдат, проводивший ряд лет в германском плену, в частности в крепости Шнайдемюле, где в 1914—1919 гг. томились сотни русских военнопленных.

В России в 1916 г. начинался голод. Обстановка в стране становилась все более напряженной. Московские рабочие характеризовали ее словами: «Все болезни вон полезли». Говоря о развале фронта, они замечали: «Ходит царь Николай в Ставке как из-за угла пыльным мешком притушенный». Причины январской забастовки 1917 г. московские рабочие объясняли так: «Не накалишь — не скуешь»¹⁸. В период забастовки они пели новую песню «Братцы дружно песню грянем, жить рабами мы не станем», «Ах ты доля, моя доля», а также сатирические песни, популярные еще в 1905 г. «Как у нас в городке», «Говорят, что род Романов происходит от баранов» и т. д.

26-го февраля 1917 г. московские пролетарии по призыву большевиков перешли от политической стачки к восстанию. Первой жертвой февральской революции в Москве был 19-летний Илларион Астахов — молодец завода Гужон (ныне «Серп и молот»), убитый при столкновении с городовыми (его именем назван мост через р. Яузу). «Шел Ларион смело за рабочее дело» — уцелела в памяти стариков-серпомолотцев до наших дней притча о нем. На следующий день рухнула монархия Романовых. Образовались Советы. Они вводили восьмичасовой рабочий день, разгоняли полицию, вооружались сами.

Царь подписал отречение. Попытки белогвардейцев сохранить монархию потерпели крах. Второго марта сформировалось буржуазное Временное правительство. Установилось двоевластие.

Вскоре у московских рабочих по этому поводу появились образные умозаключения: «Главный кирпич не в карнизе, а в фундаменте», «На всякую „временную спесь“ пословица есть», «Смелый там найдет, где робкий потеряет»¹⁹.

¹⁷ Записаны в 1935—1940 гг. от обувщика фабрики «Парижская Коммуна» И. Я. Корешева, бывшего солдата; в 1938 г. в Подольском районе Московской области от П. Т. Овчинникова, бывшего солдата, и в 1948 г. там же от Т. И. Лазейкиной, бывшей солдатки.

¹⁸ Записано в 1939 г. от рабочих завода «Красный пролетарий» Н. Ф. Филиппова и П. Н. Латышева, а также текстильщица «Трехгорки» и в 1955 г. от рабочих фабрики резиновых изделий «Богатырь».

¹⁹ Записано в 1940 г. от Д. П. Шириева, рабочего завода «Красный пролетарий».

В ту пору были популярны песни частушечного склада: «Нас обманывали долго, но проснулись теперь мы», «Будет, спинушку погнули, покормили паука».

Большевики завода Михельсон в те дни вели успешную пропаганду в 55-м полку, расквартированном в казармах по соседству с заводом. Их примеру следовали партячейки и других предприятий. В Москве стала популярной поговорка: «Русский солдат — пролетарию брат»²⁰.

Изнурительная и бессмысленная война еще полыхала. Временное правительство и владельцы предприятий требовали от рабочих еще большего напряжения. Рабочие, голодая и умирая на фронте за интересы капиталистов, требовали передачи всей власти Советам, прекращения войны, проведения закона о 8-часовом рабочем дне, передачи земли в руки крестьян, освобождения из тюрьмы солдат-большевиков — «двинцев», арестованных на фронте по приказу Временного правительства. Все это нашло отражение в московских фабрично-заводских многотиражках и в книгах по истории отдельных заводов и фабрик, подробное ознакомление с которыми может много дать исследователю рабочего фольклора.

Приезд В. И. Ленина из-за границы в Петроград 3(17) апреля 1917 г., его «Апрельские тезисы» и последующие речи, призывающие народ бороться за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, отразились в фольклоре рабочих, прежде всего в их пословицах: «У разумной головы сто рук», «Где смелость, там и победа!», «Ленина сказ, что отцовский наказ», «Его око видит далеко, а ум еще дальше», «Его глаз как алмаз»²¹. Высказывания такого рода о В. И. Ленине подчеркивали его влияние на трудящиеся массы как вождя и человека.

В Москве о Ленине бытовало и несколько рабочих рифмованных сказов. Так, в традициях сказки Басова-Верхоянцева «Конек-скакунок» среди передовых московских рабочих был сложен сказ о В. И. Ленине, посвященный историческим событиям марта — апреля 1917 г.:

...Вдруг в страну пришел гонец
И сказал: «Войне конец!
Только нужно дружно взяться,
С капиталом развязаться,
В свои руки землю взять
И страной управлять!»
То любимый наш Ильич
Подад нам партийный клич²².

К маю 1917 г. в разных районах города были сформированы рабочие отряды, в которых бытовали десятки излюбленных грозных присловий, вроде «Оружия не добудем — зубами юнкеров грызть будем!» Июльские события, положившие конец мирному развитию революции, VI съезд большевистской партии, непримиримые схватки с меньшевиками, ликвидаторами, всякими ревизионистами и оппортунистами, ковавшие единство большевистских рядов, сплачивали силы революции. Об этом у москвичей-рабочих составила́ся целая серия присловий, пословиц и поговорок: «Речи сильные, а дел не видно», «Умен, да не по-нашенски», «Змея раз в год меняет кожу, а предатель каждый день», «Гнилое слово от гнилого сердца», «Обыватели революцию не делают», «Язык без

²⁰ Записано в 1939 г. от В. П. Файдыша — директора клуба МГУ, бывшего начальника штаба Красной гвардии Замоскворечья в 1917 г., активного участника Октябрьских боев в Москве (см. также сб. «Москва в двух революциях. Февраль — октябрь 1917 г.», М., 1958, стр. 140, 144, 170).

²¹ Записано от работницы Е. И. Масловой, первого красного директора фабрики «Красная Роза» (бывшей Брокер).

²² Записано в 1935 г. на московских кожевенных заводах и обувных фабриках, в частности от И. Я. Корешева (обувщик), Н. П. Киселева и И. М. Львова (кожевники).

пошлин, лопочет что хочет», «Красно говорит, а слушать нечего», «Ума палата, да разума маловато», «Кто не с нами, тот против нас».

После разгрома генерала Корнилова на предприятиях Москвы усиленно готовили «Красную гвардию — рабочее войско». Работа по ее вооружению шла нелегально. Приведенная выше в кавычках фраза стала потом в отрядах Красной гвардии пословицей, так же как фраза «Как Корнилов генерал на Москву вояк сбирал» — острым присловием-памфлетом, а один из лозунгов тех же дней «Рабочее право контроля — девиз лучшей доли» превратился в популярную деловую рабочую притcasку²³.

Подводя итог изложенному, следует сказать, что революционное устное массовое поэтическое творчество рабочих Москвы является своеобразной устной летописью наиболее значительных событий предоктябрьского десятилетия. В присловьях, пословицах и поговорках, сказках и песнях давалась рабочая оценка крупных явлений революционного движения.

Данное сообщение не претендует на исчерпывающее освещение вопроса. Задача его — проследить жизнь распространенных жанров московского фабрично-заводского фольклора предоктябрьского десятилетия. Пословицы, поговорки, присловия, сказы и песни, собранные вместе, ценны и интересны как образный исторический дневник сложного и мало изученного периода в истории русского фольклора.

В заключение нам хотелось бы напомнить о необходимости собирания и изучения зачастую уже полузабытых, но крайне интересных образцов устного творчества московских рабочих.

А. М. Горький говорил, что «рабочий, искренне влюбленный в революцию, любит ее не только по разуму, но и всей силой своих эмоций»²⁴. Это ясно видно на примере устного творчества московских рабочих.

²³ См. Е. Д. Стасова, Указ. раб., 1960, стр. 96.

²⁴ М. Горький, О литературе, М., 1928, стр. 83.